

— против искусства, которое преднамеренно закрывало глаза на нередко ужасные последствия элитной жизни так называемого «порядочного» общества. Для России протест подобного рода был излишен. Со времени Гоголя русское искусство не ограничивалось каким-нибудь отдельным классом общества. Оно захватывало в своих изображениях все классы, изображало их реалистически и проникало вглубь, под наружные покровы социальных отношений. Таким образом, для русского искусства оказались излишними те преувеличения, которые во Франции были необходимой и здоровой реакцией. У нас не было никакой надобности впадать в преувеличения, с целью освободить искусство от скучной морализации. Наш великий реалист Гоголь дал своим ученикам, позднейшим повествователям, незабываемый урок — пользоваться реализмом для высших целей, сохраняя в то же время его аналитические качества и удерживая свойственную ему правдивость в изображении жизни.

Глава IV Тургенев. — Толстой

Тургенев: Главные черты его искусства. — «Записки охотника». — Пессимизм его ранних повестей. — Ряд повестей, изображающих руководящие типы русского общества; Рудин; — Лаврецкий; Елена и Инсаров; — Базаров. — Почему «Отцы и дети» не были поняты? — «Гамлет и Дон-Кихот» — «Новь»: хождение в народ. — «Стихотворения в прозе». — Толстой: «Детство» и «Отрочество». — Во время и после Крымской войны. — «Юность»: в поисках идеала. — Рассказы. — «Казаки». — Педагогические работы. — «Война и мир». — «Анна Каренина». — Религиозный кризис. — Христианское учение в изложении Толстого. — Главные пункты христианской этики. — Последние художественные произведения: «Крейцера Соната»; «Воскресение».

Тургенев

Пушкин, Лермонтов и Гоголь были действительными созидателями русской литературы; но они остались почти неизвестными в Западной Европе. Только Тургенев и Толстой — два величайшие беллетриста России, а может быть и целого столетия, — и отчасти Достоевский — преодолели затруднение, которым являлся русский язык, делавший недоступными для Западной Европы произведения русских писателей. Эти трое сделали русскую литературу известной и популярной вне пределов России; они оказали, и до сих пор оказывают, некоторое влияние на развитие мысли и искусства в Западной Европе, и, благодаря им, мы можем быть уверены, что впредь лучшие произведения русского ума будут становиться частью общего умственного достояния цивилизованного человечества.

Тургенев, по художественной конструкции, законченности и красоте его повестей, является едва ли не величайшим романистом девятнадцатого столетия. Но главная характеристика его поэтического гения заключается не в одном чувстве прекрасного, которым он обладал в такой высокой степени, а также и в высокоинтеллектуальной содержательности его творений. Его повести — не случайные изображения того или другого типа людей, или какого-нибудь исключительного течения, или эпизода, почему-нибудь обративших на себя внимание автора. Они тесно связаны между собой и дают последовательные изображения руководящих интеллектуальных типов России, которые так или иначе наложили свой отпечаток на сменявшие одно другое поколения. Повести Тургенева, из которых первая появилась в 1845 году, охватывают период более чем в тридцать лет, и в течение этих трех десятилетий русскому обществу пришлось пережить одно из наиболее глубоких и быстрых изменений, какие когда-либо наблюдались в европейской истории. Руководящие типы образованных классов пережили ряд последовательных изменений, с быстротой, возможной лишь в обществе, внезапно пробудившемся от долгой спячки, разрушившем учреждение, на котором покоились все его основы — крепостное право, — и устремившемся навстречу новой жизни. И этот ряд «созидающих историю» типов был изображен Тургеневым с такой глубиной, с такой полнотой философского и гуманитарного понимания и с такой художественной вдумчивостью, доходящей иногда до предвидения, каких вы не найдете ни у одного из современных писателей в той же степени и в таком удачном сочетании.

Не то чтобы Тургенев руководился в своем творчестве предвзятой мыслью. Все эти рассуждения о бессознательном и сознательном творчестве, о предвзятых идеях и тенденциях казались ему лишь «общими местами», ходячей и ложной риторической монетой. «Талант настоящий, — говорит Тургенев, — никогда не служит посторонним целям и в самом себе находит удовлетворение; окружающая